

© Татьяна Артемова

☼ 13 апреля 2007 года не стало Вениамина Викторовича Худолея (1945 – 2007) — члена редколлегии нашего журнала, доктора медицинских наук, профессора, крупного ученого — специалиста в области канцерогенеза, и генетической токсикологии, охраны окружающей среды, члена объединенного научного совета «Экология и природные ресурсы» СПбНЦ РАН, зав. отделом экологической онкологии Института онкологии им. Н. Н. Петрова, академика Российской академии естественных наук, организатора и директора Центра независимой экологической экспертизы СПбНЦ РАН, председателя Санкт-Петербургского отделения Вавиловского общества генетиков и селекционеров, президента и вице-президента Международной федерации экслибриса. Это — потеря для науки, культуры в масштабах нашего города, страны и в международном масштабе. Мы потеряли друга — доброго и отзывчивого человека, для которого обязательность — качество, не часто встречающееся в наше время, было нормой бытия.

ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ памяти друга

По счастливой случайности, после замужества моя фамилия начинается на первую букву алфавита. Этой, должно быть, причине я обязана тем, что Вениамин Викторович Худoley, человек интеллигентный и аккуратный, открывая по праздничным дням записную книжку, делал мне поздравительный звонок в числе первых. Этот, многими утраченный, элемент бытовой культуры был ему присущ как дыхание. И как дыхание он был незаметен и, как оказалось после, совершенно незаметим. Чуть глуховатый голос, радостно произносивший в трубку: «Татьяна Павловна!» — включал меня в теплый круг друзей. И когда он замолчал, в мире стало холоднее.

В последний раз мы случайно увиделись на международном книжном салоне в Ленэкспо. Он подарил мне две свои новые книги. Как всегда это было полной неожиданностью. Потому что Худoley существовал одновременно в нескольких мирах. Не в двух, как многие, имеющие хобби, не в трех, как некоторые многогранные люди, а в неизмеримо большем числе одинаково наполнявших его жизнь и равно наполненных его светом и делами. А мы, пассажиры обычной монохромной тележки, вполне увлеченные плоскостью своего бытия, часто и не предполагали этой другой его жизни...

Доктор медицинских наук, профессор, академик Российской академии естественных наук. Член Американской академии наук и искусств. Заведующий отделом экологической онкологии в НИИ онкологии имени профессора Н. Н. Петрова Министерства здравоохранения РФ. Директор Центра независимой экологической экспертизы Российской академии наук. Награжден серебряной медалью имени И. П. Павлова «За развитие медицины и здравоохранения».

А вот другой мир. Человек тот же. Председатель Санкт-Петербургского клуба экслибрисистов и любителей графики. Председатель городского совета библиофилов. Президент и вице-президент FISAE — Международной федерации экслибриса. Представьте себе, именно врач и эколог Вениамин Худoley в Петербурге организовал и возглавил XXVII Всемирный конгресс экслибриса! А еще он входил в AIC — Международную ассоциацию искусствоведов, был членом редколлегии «Невского библиофила», International Bookplates, «Миниатюры» и главным редактором «Российского экслибрисного журнала».

Разумеется, в этот мир блистательной теории и кропотливого анализа он пришел вначале как собиратель. Вениамин Худoley не только исследователь, но и коллекционер экслибриса. В его собрании 36 тысяч знаков: «Книжные знаки семьи Романовых», «Экслибрис серебряного века», «Книжные знаки российского дворянства» и «Зарубежный современный

художественный экслибрис». На его счету 80 выставок, 200 статей и 6 монографий о предметах своего увлечения. И высокие награды FISAE — «За пропаганду искусства экслибриса» имени Дж. Мантеро и «За вклад в исследования в области книжного знака» имени У. Г. Иваска.

Одна из книжечек, подаренных мне во время международного книжного салона, написана в соавторстве с замечательным человеком, петербургским графиком, коллекционером и библиофилом Александром Николаевичем Михайловым, и называется очень просто: «История Ленинградского общества экслибрисистов». Нетолстая книжечка в голубом переплете рассказывает о собирателях книжных знаков 20–30-х годов. Она пропитана дивным ароматом времени. С тщательно подобранных фотографий задумчивые глаза людей ушедшей эпохи смотрят вперед, туда, где многих из них ждет, в лучшем случае, ссылка, а в худшем — расстрел. Неповторимую печать времени несут на себе и экслибрисы.

Последний телефонный разговор у нас был, когда умер наш общий друг, журналист Саша Михайлов — Александр Олегович, основатель первой в России радиостанции «Открытый Город», не умолкавшей и в дни путча. Александр тоже умер внезапно, на неожиданном взлете не баловавшей его в последнее время судьбы. Они были очень близки — не делами или совместными частыми встречами, а как-то иначе. Когда Михайлову поставили страшный диагноз, рак горла, вдвойне ужасный для радиожурналиста, именно Вениамин Викторович помог ему справиться с недугом. Мы говорили о том, как бы вместе посетить Сашину могилу. И тогда я впервые не узнала его голоса. Из него как будто выпили всю жизнь...

А это казалось невозможным. Он ведь никогда не был не только старым, даже просто степенным, вальяжным. Так и остался взрослым мальчиком. Хрупкое сложение, невысокий рост, лицо очень светлое, слишком белокожее даже для жителя северного Петербурга. Все это создавало иллюзию такого человека... вне возраста.

И он часто улыбался. Не всегда весело. Не одинаково искренне. Но часто. И казалось, все ему дается без усилий, необычайно легко — щедрость, дружба, книги, статьи, пресс-конференции, почетные звания!

Но должно быть, все это было иллюзией. Чтобы много успеть, он спал не больше четырех часов в сутки. Просыпаясь до света, отправлялся к себе в институт в Песочную. Чтобы проехать по пустынному еще шоссе и успеть сделать все свои дела. Которые переделать одному человеку не под силу.

Недавно, думая об этом, я вдруг вспомнила, как по-детски он, совершенно не вмешивавшийся в политику,

волновался обо всем, что происходит в стране. Мог позвонить и начать горячо обсуждать результаты первого тура каких-нибудь выборов.

Академик Сергей Георгиевич Инге-Вечтомов на похоронах вспоминал, как они познакомились. Пришел к ним в научный центр Академии наук человек. И сказал: «Мне ничего не нужно, но я умею то, то и то. И буду рад, если это вам понадобится». И правдой было, что ничего не нужно. Знаете, есть такой русский обычай, когда выбирают невесту, проверяют, как она метет, к себе или от себя. У него — первое движение души и руки было — не к себе, первое и естественное для него было «дать», а не «взять», как у многих.

Я не знаю человека, которому он отказал бы в просьбе. Да и просить его не нужно было. Достаточно просто озвучить свою проблему. Он помогал «по максимуму». Всем. И это стремление помочь, вероятно, сделало его хорошим врачом и настоящим экологом.

По-моему, он первым в Петербурге вместе с другим своим коллегой Георгием Ливановым поднял проблему диоксинового загрязнения города. Он не только был директором созданного им Центра независимой экологической экспертизы при Санкт-Петербургском отделении РАН, но никогда не боялся рисковать своей профессиональной репутацией, берясь за самые острые и непопулярные темы, если этого требовало стремление к истине. В начале перестройки он входил в комиссию по дамбе. До настоящего времени был экспертом токсикологической кампании Гринпис. Многие ли из тех, кому он помог в жизни — советом, экспертизой, научным и человеческим капиталом, знали, что Вениамин Викторович был крупнейшим, всемирно известным коллекционером. Что он, доктор наук и профессор, автор книг не только по биологии, медицине, экологии, токсикологии, но и изящных изданий, выпущенных в разных странах и посвященных экслибрисам серебряного века или библиофильскому Петербургу 20-х, 30-х годов. Он писал и о людях, отдавших жизнь своей стране на поприще сохранения всего прекрасного, что в ней есть, как герой его последней книги, директор Эрмитажа Армин барон фон Фелькерзам, как и сам Вениамин Викторович Худолей.

23 мая исполнилось сорок дней со дня смерти Вениамина Викторовича. Но еще до 20 мая мы могли увидеть последнюю подготовленную им выставку экслибрисов в галерее на улице Бакунина.

И еще вспомнилось, как точен он был в делах. Как обязателен. Что и умер он как человек чести. Остановил автомобиль, чтобы никто не пострадал. И только потом упал прямо на руки подбежавшему гаишнику...